

О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

II ТМ

ПРЕЛЕСТЬ ВЫБОРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Литрес

18+

О.Шеллина (shellina)

Проблема выбора. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183285

SelfPub; 2023

Аннотация

Карл Петер Ульрих теперь зовется Петр Федорович и является Великим князем и наследником Российского престола. Вот только это не избавляет его от ежедневных проблем, от решения которых зависит очень многое. И самым главным в этих ситуациях становится выбор правильного решения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	79

О.Шеллина (shellina)

Проблема выбора. Том II

Глава 1

– М-да, красотища-то какая, глаз просто не оторвать, – я натянул поводья, и конь остановился прямо перед крыльцом Большого Меншиковского дворца, ведущего прямо к тяжелым входным дверям. Само здание, состоящие из трех корпусов: центральный был трехэтажный, два других, стоящие по бокам – одноэтажные, пребывало в запущенности, словно в нем не госпиталь был совсем недавно организован, а скотный двор. Зато земли вокруг дворца впечатляли. Как и остатки начатого когда-то разбиваться парка каскадного типа, но, по какой-то причине так и недостроенного, а потом и вовсе заброшенного.

Наверное, когда-то еще при Петре I этот парк производил впечатление, вот только теперь все вокруг заросло, в основном сорняками. Каменные лестницы кое-где покрылись выщерблинами, а в некоторых местах вообще начали разваливаться, и я бы не рискнул по ним пройти, чтобы не переломать ноги, потому что падение с этих ступеней – это было всего лишь вопросом времени. Но имение все равно впечат-

ляло, прежде всего своими размерами, хотя, чтобы заставить эту землю приносить хоть какой-то доход, необходимо было вложить в нее немало сил и средств, которых у меня пока было довольно ограниченное количество.

Елизавета себе не изменяла и одаривала близких людей ценными подарками по любому поводу, а то и вовсе без оно-го. Хотя мне доставалось гораздо меньше, чем тому же Разумовскому, но, скорее всего, действовала тетушка так, потому что понимала – мне в один прекрасный день может достаться все – вся Российская империя, а вот ее тайный муж может и в нищету впасть, если сумеет ее пережить. Подарок в виде целой империи, конечно, тот еще, я бы, например, подольше Великим князем пожил в свое удовольствие, но все же эта причина была очень даже понятна в плане некоторого ограничения моих хотелок, кои могли бы возникнуть в ближайшее время, потому что я вроде бы уже совсем здесь освоился. Как воспитательную меру я вполне понимал ограничение доступных мне ресурсов, чтобы в будущем уметь распорядиться тем, что имеется, не слишком рассчитывая на большее. Пока, правда, дополнительного содержания не требовалось, просто не на что было. Единственный раз, когда я попросил конкретные деньги, был еще до поездки в Москву на коронацию, и предназначались они на оборудование стекольной мастерской. Как я позже выяснил, переданные мне деньги Елизавета все же выделила не из моего содержания, а велела оплатить это начинание отдельно, ведь я не только на

себя в тот момент тратиться хотел, а на общую перспективу. Криббе вел всю мою бухгалтерию настолько скрупулезно, что от него даже Бестужев однажды взвыл, когда тот принялся в очередной раз ему отчитываться о тратах. Вообще у Гюнтера был пунктик на этот счет: он страшно боялся, что кто-то заподозрит его в том, что какая-то часть выделенных на мое содержание средств прилипнет к его рукам. Но перегибать, наверное, все же не стоило, потому что полкопейки за пирог, купленный на увеселительной ярмарке, в отчете все посчитали явным перебором, кроме, разве что меня. Я же только похвалил его за такую точность, что позволит в итоге дебет с кредитом свести, а то тут полкопейки, там полкопейки, а копейка, как говорится рубль бережет.

– Я глубоко сомневаюсь, ваше высочества, что выделенных ее величеством средств хватит на то, чтобы даже этот дворец превратить в жилой дом, не то что выполнить ее поручение по созданию в Ораниенбауме цельного ансамбля из различных строений, соединенных парком для прогулок и увеселений, – мрачно заметил, спешившийся со своего коня и вставший рядом Гагарин.

– Не думаю, Сергей Васильевич, что на эти прожекты будут изыматься средства из ежегодного содержания моего двора, – я покачал головой. – И я не понял, что тетушка говорила про какую-то крепость, когда перечисляла возможные построения?

– Потешную крепость хочет для вашего увеселения вы-

строить, – пожал плечами Гагарин. – Думает, что это доставит удовольствие вашему высочеству, потому что отсутствие оных, очень огорчает ее величество.

– Нет, – я покачал головой и направился к двери, чтобы посмотреть, насколько все печально в самом дворце. – Ломоносов с д,Аламбером закончили свои изыскания, эффект надо сказать превзошел все мои ожидания и я не собираюсь тратить то, что может помочь развить целую отрасль производства, какой еще нет в Российской империи, на какую-то крепость, коя никакого толка не принесет. Что скажете, Яков Яковлевич, – я повернулся к Штелину, шедшему чуть позади меня. – Как вам пришлись те вещи, что делаются в стеклянной мастерской?

– Скажу, что эти ученые мужи действительно справились очень хорошо, – Штелин обернулся вокруг и брезгливо поджал губы. Ну что так кривиться-то, не сею же минуту мы сюда переезжаем. – Особенно на меня впечатление произвело изготовление стекляруса и разноцветных смальт, ваше высочество.

– Да, на меня тоже. Настолько, что я решил большую часть этих поделок пустить на оформление этого дворца. Думаю, если привести его в должный вид, то его одного вполне хватит для нужд Великокняжеского двора. И, упаси Боже, никаких крепостей, особенно потешных. Еще одно здание, максимум два – картинная галерея и библиотека. Ну и кавалеристский корпус, вот это обязательно. И будет на этом. Не

вижу пока надобности в чем-то еще, разве что парки облагородить. – Под ногой хрустнула обвалившаяся штукатурка. Нет, здесь не просто ремонт нужно проводить, здесь нужно все перестраивать с нормальной системой отопления, водоснабжения и канализацией. Благо в трубах я разбираюсь, как никто другой в этом мире. – А еще я планирую ту стеклянную мастерскую перенести в Ораниенбаум уже в качестве полноценной мануфактуры, а мастерскую оставить Академии наук, в лице ее членов, которые уже в ней обжились, оснастить ее, чем еще понадобится, да пускай что-то еще полезное изобретут. д,Аламбер, правда, снова ветром увлекся, но, с другой стороны, и от ветра есть прок, наверное. А вот Ломоносов хочет с металлами поиграться, благо печь плавильная там уже есть. Может и ветер в этом деле подсобит, кто ж его знает? – Я переступил через валяющийся на полу канделябр. Что здесь все-таки произошло? Почему у меня складывается ощущение, что дворец штурмом брали, а потом несколько дней мародерствовали? Ладно, это, наверное, не так уж и важно, все равно все перестраивать. Немного постояв на месте, я двинулся дальше, хотя уже примерно понял, с чем мы будем иметь дело.

Мануфактуру я планирую достаточно большой сделать, настолько, чтобы вокруг нее начал городок образовываться. И вот этот городок-то я и хочу сделать своей такой мастерской, для внедрения различных новшеств, которые здесь будут обкатываться, доводиться до совершенства, а потом

внедряться в массы. Этаким своеобразный промышленный экспериментальный центр и полигон в одном лице. Но это дело будущего, мои хотелки, на которые я планирую заработать как раз-таки производством стекла во всем его разнообразии.

– С чего вы хотите начать восстанавливать дворец, ваше высочество? – Гагарин поколупал стену и отряхнул руки, затянутые в перчатки. Ну, я его понимаю, ему же со мной переезжать придется, а переезд – вот сюда, явно Сергея Васильевича не прельщает.

– С того, что приглашу инженеров и расскажу им свои задумки, – я, прищурившись, осматривал стены: достаточно толстые, чтобы не усиливать и начинать инженерные работы. – Ну что же, мы увидели здесь все, что хотели. Поехали, определим места для строения кавалерийского корпуса и мануфактуры. Все остальное меня пока мало волнует.

Развернувшись, я первым вышел из здания, которому предстояло совсем немного времени простоять в том виде, в котором оно находилось сейчас. Если у меня все получится, то прежним от этого дворца останутся только стены.

Возле крыльца меня ждали Румянцев и Лопухин, которые внутрь дворца не пошли, предпочитая оставаться снаружи, вместе с лошадьми, которых мы оставили их заботам. Иван Лопухин увязался за мной, еще в тот момент, когда я велел седлать коней, чтобы и прогуляться, и посмотреть подаренный мне тетушкой Ораниенбаум после официального объ-

явления меня наследником престола и выпущенного по этому поводу Манифеста. Лопухин, узнав, что Криббе с нами не едет, тут же начал собираться, заявив, что, хотя бы одна шпага в умелых руках, может нам в поездке пригодиться. Своими словами он до глубины души задел Гагарина, и они всю дорогу лишь переругивались, как два кобеля, встретившихся на нейтральной территории, которые решили выяснить, кто же из них главный. Будь рядом Криббе, этих разговоров бы вообще не возникло, потому что Гюнтер был на сегодняшний день единственным моим по-настоящему доверенным лицом, который ко всему прочему прекрасно умел со шпагой обращаться. Но у него сегодня была назначена встреча с Бестужевым, очередной отчет о тратах, и я не стал его напрягать, потому что в эти дни он и так сильно нервничал.

Румянцев же отправился в эту поездку по моему приказу, в качестве наказания за то, что неуважительно отозвался о вице-канцлере в тот момент, когда Бестужев заходил в отведенное мне крыло Зимнего дворца. Приказав Петру меня сопровождать, я тем самым просто убрал этого придурка с глаз долой, чтобы он под горячую руку вице-канцлера не попался. Ну, когда же у него вся эта дурь из башки выветрится? Хотелось бы надеяться, что уже скоро и без особых потрясений.

Петька стоял, держа под уздцы моего коня и хмурился. Ничего, потерпишь без очередного свидания с очередной прелестницей, чей муж уже пересек ту самую границу своего

возраста, когда удовлетворить молодую женщину в полной мере уже просто не в силах. Вот чем они думают, когда, разменяв шестой десяток, женятся на девчонках, даже двадцатилетний рубеж не переступивших? Неужели надеются без рогов остаться? Ага, счаз. Без рогов, да, когда на балах вокруг их жен вон такие умельцы, как тот же Румянцев крутятся? Вот, ежели в женских теремах продолжали красавиц прятать, то еще куда ни шло, да и то умудрялись каким-то образом прелюбодействовать, хоть и реже, чем сейчас, что верно, то верно. Это я еще своих молодцов сдерживаю, но не из человеколюбия к рогатым муженькам, а просто потому, что различного рода осложнений не хочу. У меня дел много, а времени не очень, чтобы его терять, с очередным обманутым в лучших чувствах рогоносцем объясняюсь.

– Куда дальше едем, ваше высочество? – Румянцев подержал коня, пока я взбирался в седло. Хоть я уже стал довольно неплохим наездником, но легко взлетать в седло у меня пока не получалось.

– Присмотреть место для казарм, конюшен, арсенала и всех других необходимых зданий и построек, где мой полк разместится, – я забрал у него поводья и не спеша тронулся в путь, давая возможность остальным сопровождающим лицам без особых проблем меня догнать.

Полк мне тетушка все же подарила, назначив полковником Кирасирского его императорского высочества Государя Великого Князя Петра Фёдоровича полка. Вот так, не боль-

ше, не меньше. При этом полк был отборный и включал в себя пять эскадронов по две роты в каждом. Можно сказать, что это была замена моих, сгинувших где-то в Берлине, оловянных солдатиков. Ну, это Елизавета так думала. А я вот думал совсем по-другому, потому что хотел получить в итоге преданный только мне полк, а то ведь не известно, как оно в жизни может сложиться. Всегда полезно под рукой обученных всякому, и стоящих за тебя горой, офицеров иметь. А обучение будет, и я вместе с ними буду обучаться, это уже даже к бабке не ходи: мне же почти потешный полк подарили, вот я и буду развлекаться, как хочу. Кое-чему мы начали учиться еще при поезде из Москвы обратно в Петербург. И останавливаться на достигнутом я вовсе не собирался.

Подполковником Кирасирского полка, то есть офицером, находящимся непосредственно под моим началом, был назначен Ласси. Какая муха укусила Елизавету, когда она это назначение проводила – история умалчивала, потому что подобного издевательства над одним из немногих действительно хороших генералов совсем уж без причины я пока что представить себе не мог. Точнее, я не мог представить себе, чем Ласси мог провиниться, чтобы его отдали в увеселение наследника, а в том, что настоящий герцог не преминул бы воспользоваться положением и попробовать покомандовать, я был практически уверен.

Вообще, двор должен был вернуться в Петербург в декабре, ближе к Новому году, но я упрямил Елизавету отпустить

меня в город на Неве, чтобы начать разбираться со своим подарком. К тому же компанию мне составил тот же Ласси, ехавший на фронт, потому что русско-шведская война все еще не закончилась, и я при поездке был под надежной охраной. Так же с нами ехал вице-канцлер, потому что у него дел в столице было невпроворот, и он не хотел терять время, предаваясь увеселениям в Москве. В итоге, Елизавета согласилась отпустить меня от себя, особенно, когда на вопрос, почему я так сильно хочу уехать, вместо того, чтобы предаваться развлечениям, посвященным прошедшей коронации, я ответил, что, во-первых, мне надоело жить в доме, в котором идет ремонт, а в Кремль я не вернусь, даже, если меня за ноги к коню привяжут и потащат через весь город. Во-вторых, вместо увеселений я хочу, как можно скорее начать полноценно обучаться тому, что запланировал для меня Штелин, а великосветские развлечения будут мне в этом мешать. Ну, и, в-третьих, я так стремлюсь уехать, потому что очень хочу посмотреть на свой подарок – Ораниенбаум, и начать в нем восстановительные работы, чтобы уже через год со спокойной душой переехать туда вместе со своим Малым двором, коего у меня сейчас хорошо, если десяток человек наберется, но кто знает, что будет дальше, ведь вполне может так получиться, что я в конце концов начну стесняться вместе со своими людьми любимую тетюшку, а ведь еще полк где-то надо размещать, который в срочном порядке получил звание лейб-гвардейского, то есть, мог располагаться в месте пребы-

вания царственной семьи. Доводы были довольно разумны, так что Елизавета, скрипя зубами, согласилась с тем, что это будет весьма правильное решение. А потом еще и порадовалась тому, что у нее такой разумный наследник подрастает.

Отслужив совместную службу, во время которой Елизавета больше смотрела на меня, чтобы вовремя чем-то помочь или подсказать, чем на священника, который и вел службу, она в итоге ни разу не вмешалась, а под конец как обычно разрыдалась, и, обняв, благословила в дорогу.

Во время всего пути я ехал верхом, чтобы учиться на практике нормально держаться в седле, потому что во время пребывания в Москве в этом весьма полезном навыке я так и не преуспел. Мы возвращались в начале июня и лучшего времени, чтобы научиться как следует ездить на лошади, я даже представить себе не мог. Дороги были хорошо укатаны, еще не слишком жарко, да и гнуса пока что не слишком много: ни мы, ни кони особо не страдали, и я даже наслаждался этой поездкой, держась в седле с каждым днем все более и более уверенно, несмотря на то, что не приученные к подобным упражнениям мышцы ног и спины в первые дни немилосердно болели.

Ласси ехал рядом, и к нему все время нашего путешествия из Москвы в Петербург лип Саша Суворов, заглядывая преданно в лицо и прося поделиться воинским опытом. Сначала генерал отнекивался, затем начал понемногу рассказывать про местность, по которой мы проезжали, в красках распи-

сывая, где и какую роту он бы поставил и как бы воспользовался ландшафтом. Мелкий Суворов слушал внимательно, впитывая все сказанное как губка. Иногда мне начинало казаться, что он в чем-то не согласен с прославленным полководцем. Мальчик пытался возразить и даже рот открывал, чтобы высказать свое мнение, но так ни разу ничего не сказал. Я тогда еще подумал, что надо будет поговорить с ним на тему того, что держать при себе свое мнение не очень разумный подход, тем более, что я прекрасно знаю, кем может в будущем стать этот пацан, и, если он начнет совершенствоваться чуть раньше, чем в той другой истории, то кому от этого станет хуже? Уж точно не мне.

– Ваше высочество, Петр Федорович, – ко мне подъехал молодой поручик с залихватски закрученными усами. – Я, кажется, нашел место для построения корпуса. – Оглянувшись и убедившись, что все те, кого я оставил у Большого дворца, меня догнали и теперь ехали чуть позади, я повернулся к поручику.

– Ну, показывай, Василий Макарыч, может, и взаправду место знатное, – и я тронул поводья, направляя коня вслед за поручиком Федотовым, который направился впереди нашего небольшого отряда, показывая дорогу.

Во время поездки из Москвы в Петербург я не только лучше узнал свою свиту, некоторых офицеров своего полка и Ласси, но и обзавелся денщиком, которым стал этот самый Федотов, скачущий сейчас впереди. Он и не стремился за-

нять при мне какое-то место, просто на одном из привалов увидел, что Румберг занят, пытается вычистить подкову у своего коня, который что-то поймал по дороге, а до кузнеца было еще далековато, а Крамер ему помогает, держа весьма норовистого жеребца, чтобы тот сильно не вырывался. Посмотрев на занятых весьма непростым делом, надо сказать, слуг, Федотов подошел ко мне, и молча принялся обихаживать моего коня, а потом так же молча принес горячего взвару, который гвардейцы организовали, воспользовавшись передышкой.

На следующем привале я сам подозвал его к себе, чтобы выяснить, кто этот крендель. Оказалось, что мелкопоместный дворянин откуда-то из-под Новгорода. Просто ему повезло однажды: Елизавета, еще будучи в то время цесаревной, проезжала как-то мимо, и решила ненадолго остановиться в их крохотном поместье. Что было причиной остановки, сам Федотов не знал, просто не интересовался, но высокий, ладный парень, которому нередко самому и топором махать приходилось, чтобы дров нарубить, приглянулся будущей императрице и она забрала его с собой. В Петербурге определила в этот самый полк, который под командованием Антона Брауншвейгского в ту пору был, да и забыла о нем. А парень тем временем сумел до поручика дослужиться и всегда помнил, кто его из родной дыры вытащил, так что его лояльность вопросов не вызывала и при чистке полка, а она была ой какой жесткой, Василий на своем месте остался.

Немного подумав, я назначил его своим денщиком, потому что слуги слугами, а не все я могу тому же Румбергу доверить. Не то, чтобы я Федотову слепо начал верить, вовсе нет, я пока приглядывался, но он определенно меня устраивал, и убирать его с должности или менять на кого-то еще я пока не собирался, да и не было у меня никого на примете.

– Вот, ваше высочество, что скажете? – Федотов остановился посреди большой равнинной местности, я бы даже сказал, посреди луга. Неподалеку текла узкая речушка, скорее даже крупный ручей, а с другой стороны разнося повсюду запах моря, который ни с чем не перепутаешь, шел морской канал, который за каким-то хером был здесь выкопан не кем-то, а тем самым Ганнибалом, прадедом Пушкина. Он впадал в Финский залив, но его предназначения я никогда толком не понимал.

– Да, действительно прекрасное место, – я кивнул головой и повернулся к Гагарину. – Кого ее величество отрядила, чтобы начать здесь строительство?

– Сеньора Растрелли, ваше высочество, – с готовностью ответил Гагарин.

– Н-да, кавалерийский корпус с конюшнями, построенный Растрелли, – я хмыкнул, мне такое в самом странном сне не приснилось бы. – Пускай сеньор приготовит чертежи. Как только я их утвержу, начнем строительство.

– Хорошо, ваше высочество, я передам ваш приказ, – кивнул Гагарин, а я тем временем еще раз осмотрелся и повер-

нул коня в обратную сторону.

– Ну что же, первое впечатление не слишком уж и плачевные, примерный план предстоящих работ я уже себе представил, пора и возвращаться. Место под мануфактуру в другой раз отыщем. – Практически сразу перейдя на рысь, я поскакал по тропе, ведущей к Петергофской дороге, по которой мы приехали сюда из Петербурга. Сегодня у меня еще встреча с Ушаковым, и посещение Петропавловской крепости запланированы. Я там бывал однажды, но наскоком, а сегодня пришла пора более подробно познакомиться с работой Тайной канцелярии, шефом над которой я был назначен отдельным приказом Елизаветы Петровны.

Глава 2

– Мяу-у-у-у! – Груша взлетела ко мне на руки, пролетев пулей от порога до середины комнаты, и, не останавливаясь, быстро взобралась на плечи, разлегшись на них, как воротник, оглаживая меня хвостом по шее.

– Эй, ты чего? – протянув руку, я потрепал кошку по загривку, и опустил руку, услышав стук в дверь. Смысла стучать я не видел никакого, все равно дверь была приоткрыта – в эту щель только что влетела Груша, но постучавшийся человек решил проявить немного вежливости, все-таки к Великому князю ломится, не к холопу в людскую. Дождаться же моего позволения войти стучавшийся не стал, и дверь открылась шире, пропуская в комнату высокую худую фигуру в огромном парике.

– Это поистине дьявольское создание, ваше высочество, – человек, уже перешагнувший порог зрелости, остановился передо мной, опираясь на тяжелую трость и глядя на все еще сидевшую у меня на плечах кошку. – Оно поселилось здесь для того, чтобы сбивать с ног посетителей, и, если повезет, тем самым лишать их жизни.

– Вы слишком драматизируете, Андрей Иванович, вовсе Груша не хотела вас убивать, – я скупно улыбнулся, про себя добавив, что кошке точно нет никакого дела до Ушако-

ва. – Вот господина Лауди она почему-то не любит, наверное, он ее сильно напугал, а то и хвост отдавил, когда падал, вот Груша и запомнила его и теперь так и норовит укунить за лодыжку.

– Какое у вас странное представление о пугливости вашей кошки, ваше высочество, Петр Федорович, – Ушаков скептически хмыкнул, и перевел взгляд с кошки на меня.

– Ну, почему же, – я задумчиво протянул руку и попытался снять Грушу с шеи, потому что она у меня уже вспотела в том месте, где разлеглась теплая, пушистая зверушка. Кошка уходить с такого удобного места не захотела и вцепилась в камзол, выпустив когти. – Ай, – острые когти добрались до кожи и весьма чувствительно оцарапали ее. – Отцепись, животное, – мне, наконец, удалось снять Грушу с плеч и опустить ее на пол. Кошка пыхла, как закипающий чайник, раздувшись при этом как шар, став в два раза больше за счет вздыбившегося пуха. В тот момент, когда она оказалась на полу, Груша громко мявкнула и, повернувшись ко мне пушистой задницей, задрала хвост и побежала к двери. – Ну вот, обиделась, теперь задабривать придется, сметанкой свежей, а то, зараза такая, спать не даст, будет всю ночь по мне скакать, – мы с Ушаковым проводили кошку взглядами, при этом во взгляде начальника Тайной канцелярии читалось отношение к ней, написанное большими буквами, которые все были нецензурными. – Андрей Иванович, а может, вы мне поведаете, почему я почти со всеми посетителями встреча-

юсь в своей спальне?

– Ну как же, ваше высочество, а где же еще? Ежели вы почитай все свое время здесь проводите, словно тут у вас и кабинет рабочий, да приемная для аудиенций, – Ушаков переступил с ноги на ногу, тяжелее опершись на трость, ему явно было тяжело стоять передо мной, но, не слишком понимая, что делаю, сесть я ему не предложил. – Иной раз мысль крамольная мелькает, что ее величество Елизавета Петровна едва ли не в черном теле вас держит, и вовсе не любящая тетушка она вам, а злая мачеха.

– Надо же, не знал я, что так обо мне думают при дворе, – я внимательно смотрел на старого лиса, который сухо улыбался, глядя на меня. – И чем же я заслужил этот образ бедной сиротки?

– Ну, посудите сами, ваше высочество, – Ушаков снова переставил трость, а на виске у него я заметил капельку пота. Махнув рукой на стул, за столом, первым сел на соседний. Ушаков глянул с благодарностью, и с явным облегчением сел на предложенное место, вытянув вперед правую ногу, и лишь затем продолжил. – Встречаетесь вы с посетителями, как сами упомянули, в опочивальне; при этом многие думают, что не по какой-то своей причуде, а просто потому, что вам негде больше принимать посетителей. Криббе ваш за копейку удавиться готов, даже на одежде Великого князя экономит, – и он с явным неодобрением оглядел мой камзол, который не так уж сильно отличался от его, чтобы смот-

реть таким взглядом. Подумаешь, брюликов на нем не стало, единственные украшения – серебряные пуговицы, да у самого камзола немного крой поменялся, в нем я хотя бы двигаться мог, ведь когда на тех же поединках дуэлянты красивыми жестами сбрасывали камзолы и оставались в рубашках – это они вовсе не форсили перед зрителями, они таким образом свободу действий получали. Теперь же я мог свободно поднять руки без риска вывихнуть их из суставов, а окружающие решили, что на мне сэкономили, никогда бы не подумал.

– После ваших слов, Андрей Иванович, я могу только один вывод сделать – нужно в этой жизни что-то менять. К тетушке же в опочивальню никто вот так запросто не заходят. – пробормотал я, задумчиво посмотрев на дверь. Там за дверью должен стоять гвардеец, кто-то же кошке тяжелую створу приоткрыл, тогда почему Ушакова не тормознули? И ведь не в первый раз это уже происходит, надоело, если честно. И вот с этим-то надо что-то делать. Хотя бы на первое время гвардейца поменять. У меня свой полк имеется, зачем мне эти пришлые?

– С одной стороны я могу понять все ваше негодование, ваше высочество, но с другой... – Ушаков вздохнул. – Вы бы уже кабинет себе определили, а то и не понятно совсем, где вы встретиться желаете. Время назначено, кабинета нет, значит, хотите встретиться там, где в это время находиться будете. Ее величество никогда не назначает аудиенции на то

время, когда она может в опочивальне находиться. – Ушаков покачал головой, да так интенсивно, что его высоченный парик колыхнулся. Ну что же, логично, хотя никак не объясняет того факта, почему гвардейцы беспрепятственно пропускают ко мне Ушакова. Да и в факт, что Елизавета никому в спальне встречи не назначает, верится с трудом.

– Это вы сейчас хорошо сказали, Андрей Иванович. Когда придет Криббе, я вместе с ним решу эту проблему. Действительно, коль о делах каких начал речи вести, то негоже без комнат для этих самых дел оставаться. Но, позвал я вас для того, чтобы кое-что разузнать, – Ушаков поджал и так тонкие губы и переложил с места на место трость. Не нравится ему, что кто-то в его дела лезет, но это никому бы не понравилось, вот только придется ему терпеть, потому что я кровно заинтересован, чтобы его детище цвело бурным цветом, вот только не в том виде, в каком оно пребывает сейчас. Но рубить с плеча я не собирался, тем более, что не слишком понимал всех принципов работы этих предтече чекистов. – Как вам известно, тетушка моя, ее величество Елизавета Петровна назначила меня шефом Тайной канцелярии, и наделила чрезвычайными полномочиями. Я примерно догадываюсь, о чем вы сейчас, Андрей Иванович, думаете, что недоросль решил поиграться и решили терпеть только из-за приказания государыни, – по выражению лица Ушакова что-то прочесть было сложно, но по тому, как дрогнул уголок его рта, можно было предположить, что я попал в цель своими

словами. – Я хочу напомнить, что вы сами приставили ко мне Суворова и просили помогать выявлять крамолу в тех кругах, где я могу появиться. А ведь меня едва не похитил сумасшедший лях, а то и не убил, и лишь стечение обстоятельств не позволило ему это сделать.

– Что вы хотите этим сказать, ваше высочество? – Ушаков слегка побледнел. Видимо, ему самому было не по себе от того, что практически проворонили назревающий заговор и чуть не потеряли наследника. Вряд ли Елизавета Петровна им простила бы такую глупость. Она в дела канцелярии особо не вникала, но вот то, что ее положение весьма упрочнилось с моим появлением, прекрасно понимала.

– Я хочу сказать, что Тайной канцелярии, так же, как и мне, что-то в жизни нужно менять. А для этого нужно понять, что вы делаете не так. Вы же умный и опытный человек, Андрей Иванович, вы как никто должны понимать, что, рассказав вслух о чем-то, начинаешь это что-то воспринимать по-другому. А там и я могу что-то такое ляпнуть, просто в силу своего отрочества, что при детальном рассмотрении можно будет и опробовать. Уж вам-то докладывали, что я знатным выдумщиком слышу, – и я улыбнулся, может быть, даже немного заискивающе, но мне было жизненно важно привлечь его на свою сторону. Когда я готовился к этой встрече, то всерьез раздумывал о том, с кем ее провести: с Ушаковым, который все еще начальник, или с Шуваловым, которого все на эту роль прочат. В итоге я выбрал

Ушакова, и сейчас гадал, не ошибся ли со своим выбором.

– И что же вы поменяли бы в нашей службе в первую очередь, ваше высочество? – Ушаков горько усмехнулся, намекая на то, что моя тетка в первую очередь захотела поменять начальника.

– А я не знаю, Андрей Иванович. Мне надобно еще разобраться, что вы вообще делаете, какие пределы у «слова и дела» имеются, – сложив руки на груди, я смотрел на главного палача Российской империи, а именно так воспринимался Ушаков среди знати. Меня просветил Суворов, когда я попросил его передать приглашение Ушакову, что именно Андрей Иванович придумал сначала немного пытаться подозреваемого, а потом уже следователю передавать. Он называл это: «Создание доверительных отношений». Весьма спорно на мой взгляд, но вот то, что, если подозреваемый не сознается даже под пытками, нужно с пристрастием допросить доносчика – это он хорошо в свое время придумал, мне нравится.

– Два пункта, как их по велению ее величества Анны Иоановны составили, так до сих пор остаются они неизменны. Кто, что дурное против государя или государыни, или против члена царственной семьи удумает, попадает под «слово и дело», и, ежели кто, что дурное против государства Российского измыслит, – Ушаков смотрел на меня внимательно. Он словно заново изучал меня, оглядывая медленно с ног до головы.

– А только ли от доносов исходите вы, прежде, чем «слово и дело» объявлять? – для меня это был очень важный вопрос, потому что позволял определить величину агентурной сети.

– Так ведь как еще можно крамолу распознать, ежели какой преданный государыне человек не донесет вовремя. Есть, конечно, людишки на содержании, кои по салонам шляются и слушают, что и кто говорит, но мало их, – Ушаков поморщился. – Дожился я – старый пень, уже и вас, ваше высочество, посильную помощь просил оказать.

– Плохо, – я покачал головой. – Ладно в Петербурге, но Российская империя большая, как с бунтовщиками и хулиателями в провинциях справляетесь, Андрей Иванович?

– На местах губернаторы должны сие дело выполнять, как и проводить первичные дознания, мы же не можем везде успеть, – развел руками Ушаков.

Я на это ничего не ответил, просто не стал ему говорить, что проще всего в каждой губернии отделение открыть. Но что уж тут говорить, если даже в Москве Тайной канцелярии фактически не было. Сыскная экспедиция хоть и номинально подчинялась канцелярии, но все же они были заняты другими делами – более приземленными, так сказать, уголовными и околоуголовными. В политику они не лезли, и были Ушакову малоинтересны. Все-таки хорошо, что я сначала решил переговорить с Ушаковым, и лишь потом ехать в Петропавловскую крепость. Пока мне там делать особо нечего, нужно подумать, с Суворовым поговорить, может быть,

он подскажет, как убедить Елизавету в том, что Тайная канцелярия должна быть повсеместно. Что она должна присутствовать в каждой дыре, нависая Дамокловым мечом над потенциальными заговорщиками. Ну, а увеличение отделений обязательно будет повлечь за собой и другие изменения. Сейчас же Ушаков натолкнул меня на одну весьма любопытную на мой взгляд идею.

– Андрей Иванович, каюсь, хотел с вами напроситься в крепость Петропавловскую, чтобы своими глазами снова все увидеть, но передумал, – я улыбнулся. – Буду кабинет выбирать и обустраивать, а то, не дело это в спальне посетителей принимать. Ладно бы на вашем месте прелестница какая сидела, тогда, это имело бы смысл, ну а так... К тому же подзабыл я, что Яков Яковлевич уже скоро будет ждать меня на урок истории государства Российского.

– Я понимаю, ваше высочество, – Ушаков кивнул. – Полагаю, что на сегодня наш разговор закончен?

– Да, полагаю, что так оно и есть. Вот только, Андрей Иванович, есть у меня к вам просьба, надо сказать, весьма деликатная.

– И что же за просьба, ваше высочество? – он тяжело оперся на трость и поднялся на ноги. Смотреть на него снизу-вверх было неудобно, поэтому я тоже вскочил.

– Прислать ко мне одного из тех доносчиков, кои на службе у вас числятся. Тех самых, что по салонам шляются да разговоры разные выслушивают, – я пока не знал, как имен-

но хочу использовать подобного рода товарищей, но полагал, что соображу по ходу разговора. – Это ведь не будет составлять для вас проблему?

– Нет, ваше высочество, какие проблемы? – отмахнулся Ушаков. – Я пришлю к вам кого-нибудь посмышленей.

Он ушел, а я остался стоять посреди комнаты, куда вышел, делая намек на то, что провожаю его. Я стоял, задумчиво глядя на дверь. Нет я не был гипермозгом и суперменом, но учеба в техническом университете в свое время дала мне одно немаловажное преимущество, я умел анализировать. И теперь самый поверхностный анализ говорил мне, что Ушакова нужно будет менять. Вот только, на кого? Я всеми силами буду настаивать на том, чтобы это не был Шувалов. Костями лягу, но добьюсь, чтобы Елизавета не поставила во главе Тайной канцелярии свою левретку. Тем более, что она вроде бы отдала мне на откуп кое-какие решения. Понятно, что окончательное решение будет принимать даже не она, и не Разумовский, которому, похоже, вообще все пофигу, более аполитичного человека я в жизни не встречал. Решение на данном этапе будет принимать, ну, или сильно лоббировать Бестужев, а я с вице-канцлером так общего языка и не нашел, и что-то мне подсказывает, что и не найду. И что делать? Да шевелиться начинать, вот что. двор вернется в Петербург к декабрю, а значит, нужно до этого времени найти того, кто будет, если не моим единомышленником во взглядах на канцелярию, то хотя бы отнесется с понимани-

ем и сочувствием. А потом написать длинное письмо, в котором разрекламировать нового претендента так, что Елизавета рыдать над письмом начнет. Ну и в конце нижайше попросить попробовать сделать претендента исполняющим обязанности, а Ушакова хоть в ту же Москву отправить, своими глазами чтобы увидел, что от архивов Сыскной экспедиции осталось. А там, если проявим себя, то нам и карты в руки. Елизавета не то чтобы очень умна и образована, но она хитра и обладает просто звериным чутьем и интуицией. Она на конфронтацию не пойдет, особенно в такой организации, которая допустила ее воцарение на трон, а назвать какую-то другую причину того, что Тайная канцелярия ничего не сделала при перевороте, я не мог. Сюда же можно было отнести и то, что все занимающие хоть какие-то значимые места в данной организации люди не просто усидели на своих местах, но некоторые еще и приподнялись. Наверное, Анна Леопольдовна умудрилась и Ушакова довести до ручки, раз он такой корявый заговор «проморгал».

Кого? Кого можно представить в качестве начальника Тайной канцелярии, особенно усовершенствованной? Суворова? Не знаю. Я не знаю, черт подери! Я не успел толком ни с кем познакомиться, когда меня потащили в Москву. А там всем было настолько откровенно не до меня, что это не было даже обидно.

– Ваше высочество, – в комнату без стука ввалился Сафонов. – Там... это...

– Миша, что это? Говори понятнее, я не понимаю тебя, – нахмурившись, я скрестил руки на груди.

– Турок там. – Шепотом произнес Сафонов.

– Турок? Как он сюда попал? И кто его пропустил? – я уставился на Сафонова. В голове не укладывалось, что вор мог вот так запросто проникнуть во дворец, и его никто не остановил.

– В том-то и дело, что никто. Он холопом прикинулся, дворовым. Притащил прямо в зал ожиданий охапку цветов, и давай их по вазам расставлять. Я его узнал, и сразу сюда прибежал. Что с ним делать-то? Ваше высочество, прикажете в шею гнать, или может сразу в застенки к Андрею Ивановичу определить?

– Надо сначала выяснить, зачем он вообще из Москвы сюда приехал, а затем, как во дворец проник, – я хмуро смотрел на Сафонова. К гвардейцам, осуществляющим мою охрану, у меня все больше и больше вопросов возникает. – В крепость мы его всегда успеем определить. Вяземского и Румянцева возьми в помощь, да в классную комнату Турка нашего вежливо пригласите. И, Миша, какой полк сегодня охрану дворца осуществляет?

– Ингерманландский, ваше высочество, одну роту специально оставили в Петербурге. Обычно-то охраняют Преображенцы... а это имеет какое-то отношение к Турку? – Сафонов уже подходил к двери, когда я задал ему этот вопрос.

– Нет, Миша, надеюсь, что нет, – я покачал головой. Ин-

германландцы, значит, ну-ну. Что это, саботаж или просто крайняя степень разгильдяйства? Это у их командира мне предстоит выяснить. – А ведь ты сам-то из Преображенцев?

– Из них, – Сафонов улыбнулся. – Наш полк ее величество Елизавету Петровну на своих штыках на трон вознес.

– Да, я так и подумал, что ты чрезвычайно гордишься своей принадлежностью к полку. Прежде, чем вы Турка в комнату пригласите, кликни ко мне командира Ингерманландцев, у меня к нему очень важный разговор образовался, – Михаил кивнул, явно недоумевая, зачем мне понадобился командир, и выскочил за дверь.

Не прошло и пяти минут, как дверь снова открылась и в комнату зашел бравый подполковник.

– Игнат Наумов, по вашему приказанию прибыл. Вы хотели со мной поговорить, ваше высочество? – он поклонился, а после выпрямился, не мигая, глядя на меня.

– Да, хотел, – я кинул. – Скажите-ка мне, Игнат Наумов, а ваша рота, когда императорский дворец охраняет какие-то отдельные инструкции получает? Или то, что происходит – ваша личная инициатива, потому что я не могу представить себе гвардейца, который бы действовал бы вообще без каких-либо приказов.

– Я вас не понимаю, ваше высочество? – Игнат нахмурился. – О чем, вы таком говорите, ваше высочество, Петр Федорович?

– Я говорю о том, что по дворцу как в собственном дворе

разгуливают посторонние. А охрана вовсе и не собирается их задерживать. Да что уже там, стоящие на посту возле дверей в мою спальню гвардейцы мало того, что даже не предупреждают меня, что в комнату, в которой я нахожусь, кто-то пытается войти, так еще и пропускают всех без разбора, словно я и не Великий князь Петр Федорович вовсе, а холоп дворовый, с которым можно и не церемониться...

– Я не могу поверить, что все именно так происходит, – начал весьма неумело пытаться оправдаться Наумов.

– А ведь все происходит именно так, – перебил я его. – Господин подполковник, не стоит даже пытаться как-то обелить действие своих подчиненных. Лучше уж проведите с ними какое-нибудь обучения, на тему, что можно, а чего не рекомендуется делать во время их дежурства.

– Я непременно выясню, почему мне в лицо летят подобные заверения из ваших уст, ваше высоко... – его прервала на полуслове распахнувшаяся дверь. Наумов посмотрел на нее диким взглядом. – Да что здесь творится? – он стиснул зубы. – Разрешите удалиться, ваше высочество, что все выяснить подробнее, – я кивнул, и он вышел, столкнувшись в дверях с входящим Криббе, которой окинул его подозрительным взглядом. Ну, посмотрим, изменится что-нибудь, или все останется как прежде. Как бы я не хорохорился, а хоть как-то влиять на охрану конкретно этого дворца я не могу, но зато я могу выставить их за пределы выделенного мне крыла, что и намереваюсь сделать, озадачив этим поручени-

ем Криббе, вид у которого был, мягко говоря, странноватый. Мой учитель фехтования был взъерошен и смотрел на меня выпученными глазами, явно не зная, как озвучить новость, с которой он и пришел ко мне.

Глава 3

Криббе закрыл дверь, которая после ухода Игната Наумова, осталась открытой, и сел за стол, не дожидаясь разрешения. Посидев с минуту, глядя в одну точку, он вскочил и принялся мерять шагами комнату.

– Сядь, не мельтеши, – Криббе посмотрел на меня, и снова плюхнулся на стул, обхватив руками голову. – Что случилось? Бестужев что-то нелицеприятное обо мне сказал? Тогда плюнь, он всех ненавидит, и все его постоянно не устраивают.

– Что? Бестужев? Нет-нет, – Криббе покачал головой. – С вице-канцлером все прошло как обычно, так что на этом не стоит даже останавливаться. Правда, он передал недоумение ее величества о малых тратах на одежду...

– Оставь, зачем мне столько камзолов и штанов, которые отличаются друг от друга, хм, – я сделал вид, что задумался, – ничем. Все штаны абсолютно одинаковые, так зачем мне целый гардероб абсолютно одинаковых штанов? Просто, если дело не в Бестужеве, то что могло привести тебя в такое волнение?

– Мардефельд, – Криббе опустил руки на стол. – Когда я вышел со встречи с вице-канцлером, ко мне подошел Мардефельд.

– Так он же умер? – я смотрел на него недоуменно. О том, что в России нет прусского посла, в связи со смертью предыдущего, я узнал в первую очередь, когда обосновался в этом дворце.

– Это его племянник, Аксель. Назначен послом прусским совсем недавно, – любезно просветил меня Гюнтер. – Назначение произошло в явной спешке, и он совсем немного не застал в Петербурге ее величество, куда примчался через три дня после того, как мы отправились в Москву.

– И что послужило причиной такой спешки? – я невольно нахмурился. – Уж не я ли часом?

– Весьма косвенно, ваше высочество. Можно назвать это цепью событий, вытекающих из нескольких, совершенных вами совершенно ненамеренно, поступков, – Криббе немного успокоился и теперь сидел, откинувшись на спинку стула, скрестив руки на груди.

– Каких именно поступков? – я лихорадочно соображал, что мог сделать такого, что, по всей вероятности, изменило известную мне историческую линию.

– Вы выгнали Отто фон Брюммера, ваше высочество, – Криббе позволил себе улыбнуться. – Не без моей помощи, и я этого не отрицаю, как не буду отрицать и того, что в тот момент действовал как из соображений неприемлемости увиденного, так и повинуюсь совершенно корыстным целям, которые, надо сказать, вознаградились сторицей.

– И какое отношение имеет отставка Брюммера к столь

поспешному назначению посланника, когда предыдущий лишь недавно приказал нам всем долго жить и не следовать его примеру? Выбор и отправка послов – насколько я понимаю, процесс небыстрый и весьма щепетильный. Он может затянуться не на один год.

– Вы все правильно понимаете, ваше высочество, – Криббе тяжело вздохнул. – Если вы вспомните Брюммера, вспомните, как он выглядел, то сразу же поймете, что именно такой тип мужчин весьма приятен вашей тетушке, ее величеству Елизавете. Он должен был попытаться влиять на мнение ее величества в отношении политики с Пруссией. В Берлине Брюммер получил последние наставления, и должен был по приезду втереться в доверие к императрице. Сейчас чаша весов все больше склоняется в сторону Австрии и Англии, возможно, еще Франции. В сторону Пруссии ее величество направлял Лесток и, как ни странно, французский посланник. Вот только Лесток в немилости, а Бестужев ненавидит Шетарди. Вы, ваше высочество, пару раз высказались в присутствии ее величества крайне негативно о короле Фридрихе, что привело к еще большему охлаждению отношений. Теперь понятно, почему так спешно был направлен новый посланник приветствовать императрицу?

– Это мне понятно, – я махнул рукой. – Я не понимаю, почему этот посланник так встревожил тебя?

– Я к этому веду, – Криббе вздохнул и уронил руки на стол. – Извините, ваше высочество, но я не слишком силен

в генеалогии, да и в хитросплетениях различного рода интриг, поэтому, прежде, чем рассказывать, мне нужно разобраться в них самому. – Он замолчал, я же сел напротив него за столом, и постарался не перебивать, в то время, как Гюнтер подбирает слова. Чтобы ему было проще, мы перешли на немецкий, на котором я старался не разговаривать, во всяком случае, не слишком часто. – Сейчас Мардефельд собирается в Москву, как я понял, чтобы представиться ее величеству, а также передать предложение от вашей двоюродной тетки Иоганны Елизаветы Ангальт-Цербстской, в девичестве Гольштейн-Готторпской рассмотреть кандидатуру ее дочери в качестве вашей будущей супруги, – я икнул, вот это поворот. А оно мне вообще надо? Ладно, с невестой позже разберемся, что там дальше? – Это конечно мое личное мнение, но, я думаю, что предполагаемая помолвка – это всего лишь предлог для того, чтобы вернуть утраченное влияние на ее величество и убрать с игровой доски вице-канцлера.

– И это очень похоже на правду, – я задумался. – Не даром Ботта суетился. Хотя это и странно, почему он так сильно против своей страны выступал?

– Деньги, – пожал плечами Криббе. – Самый мощный рычаг давления в любые времена.

– Это точно, – я кивнул. – Но я никак не думал, что ты настолько симпатизируешь вице-канцлеру, что его возможная немилость так на тебя повлияла, – еще во время нашего возвращения в Петербург я начал обращаться к Гюнтеру на

«ты», и он не возражал, видя в подобном обращении признак чуть ли не наивысшего доверия.

– Разумеется, нет, – Криббе фыркнул. – Вот только, когда прусский посланник в красках расписывал мне юную герцогиню Ангальт-Цербстскую, то упомянул, что в связи с некоторыми обстоятельствами, такими, как, например, ваш переход в православие, да и вообще ваш побег из родного дома, дал повод Адольфу-Фредрику совершить небольшой переворот и объявить себя уже не регентом, а герцогом Гольштейн-Готторпским, лишив тем самым вас герцогства.

– Что?! – я смотрел на Криббе, с трудом понимая, что он только что сказал. – То есть, как меня лишили герцогского титула? На каком основании?

– Я не знаю, – Криббе покачал головой. – Но, будучи князем-епископом Любека, ваш дядюшка вполне мог что-нибудь придумать достаточно правдоподобное.

Я даже материться не стал. Какой в этом смысл? Вот только что делать с тем фактом, что я вовсе не собирался отдавать никому герцогство. Вот еще. Быть наследником престола вовсе не означает, что в итоге я абсолютно точно стану императором. К тому же, владея герцогством, всегда был шанс каким-то образом присоединить родовые владения к империи, если все-таки я окажусь на троне. И вот теперь меня моего исконного лишили.

– Что нужно сделать, чтобы вернуть герцогство? – глухо спросил я Криббе, в полной мере на себе испытав его нер-

возность.

– Я не знаю, ваше высочество, – Гюнтер покачал головой. – Полагаю, надо сначала выяснить, правда это или Мардефельд преувеличил, а то и вовсе солгал, преследуя свои цели. Ну и тетушке отписать не помешает.

– Если все подтвердится, придется ехать в герцогство, отсюда я ничего решить все равно не смогу, – вот же не было печали, купила бабка поросят. – Постарайся выяснить, откуда Мардефельд вообще узнал о том, что творит мой слишком энергичный дядюшка. Все-таки Пруссия и Гольштиния – это далеко не одно и то же. А я письмо пока ее величеству отпишу, в котором совета попрошу, да разрешение на поездку в Гольштению, чтобы закрыть этот вопрос.

Криббе кивнул и встал из-за стола, направляясь к двери. Как же все не вовремя. Неужели я слишком рано сказал тетке о том, что официально являюсь православным? Ну так порадовать решил. Тетушка у меня набожная, иногда до фанатизма, что, правда, не мешает ей грешить направо и налево, зато потом есть какие грехи замаливать. А ведь Штелин мне говорил, что Адольфу-Фредрику будет предложена роль наследника Шведской короны. В этом случае, счастливый дядюшка уже не цеплялся был за паршивое герцогство, потому что до выхода Манифеста, объявляющего меня наследником Российского престола, было все еще неясно, в какую сторону может качнуться маятник. Но, так получилось, что я принял православие раньше, чем начались переговоры о ми-

ре с Швецией. И Манифест вышел соответственно намного раньше, и о нем стало известно в Европе до того момента, как Адольф, какое интересное у дядюшки имя, получил звание наследника престола. А раз так, то он решил побороться хотя бы за герцогскую корону, потому что как претендент на шведскую корону, он был все лишь один из, хоть и немногих, но все еще живых родственничков.

А вот письмо Елизавете пришлось все-таки пока отложить, потому что в соседней комнате меня уже заждался, поди, Турок, с которым я решил сначала пообщаться, а заодно собраться с мыслями, чтобы ничего лишнего в письме не написать. Приняв решение, я вышел из спальни вслед за Криббе, и напрямик направился в классную комнату. Уже отойдя на довольно приличное расстояние, остановился и, обернувшись, посмотрел на дверь в свою комнату.

– Да охренеть можно, и где хоть какая-то охрана? Куда делся тот гвардеец, который хоть и пускал всех подряд, но хотя бы мог на помощь прийти в случае самой острой необходимости? Или, кому я нужен, чтобы на меня покушаться, так что ли? – я огляделся по сторонам. В огромном зале ожиданий, куда выходили двери почти всех комнат моего крыла, не было ни души. На столике, возле большого окна уже начали подвядать без воды брошенные цветы. Их была целая охапка, и я, повинувшись какому-то странному импульсу, быстро подошел к ним, схватил, не глядя и не разбирая, и засунул в ближайшую, наполненную водой вазу.

– Ваше высочество, – я резко обернулся и увидел входящего в зал бледного Наумова. – Я попытался выяснить, почему во время дежурств вверенной мне роты происходят такие странные вещи, о которых вы мне поведали...

– И именно поэтому из моего крыла сбежал последний гвардеец, который спустя рукава, но хоть как-то выполнял свои обязанности? – я перебил его и снова повернулся к цветам, бессмысленно перебирая стебли.

– Как сбежал? Да я его... – Наумов выскочил из зала, я же направился наконец в классную комнату, где меня уже ждали утвержденные в штат Румянцев, Вяземский и Сафонов. Суворова я отпустил на побывку к матери по просьбе его отца. Кроме молодежи мне оставили Бецкого, Гагарина, Лопухина и Суворова-старшего, ну, и Штелина в качестве наставника. На этом мой скудный, действительно Малый двор пока и заканчивался. Все старшие камергеры в настоящий момент были заняты подготовкой к восстановлению Ораниенбаума, а Федотов со Штелиным, насколько я знаю, именно сейчас пытались объяснить Растрелли, что именно ему надо построить. Ну, а Криббе я сам только что отослал. Так что сейчас прекрасный момент, чтобы поговорить с Турком, без давления, которое так или иначе пытаются неосознанно оказать на меня окружающие, просто потому, что в их понимании я еще почти ребенок, отрок несмышленный. И дядька решил этим же обстоятельством воспользоваться, козел безрогий. Ну, а что, почему бы у сироты последнее не отобрать? Пус-

кай с голода сдохнет где-нибудь в овраге, кому какое дело?

Вот так накручивая сам себя, понимая при этом, что большинство из моих мыслей не имеют под собой оснований, и тем не менее все равно лезут в голову, я и зашел в комнату, где сидел Турок, в окружении троих моих камер-пажей.

– Что ты здесь делаешь? – с порога задал я вопрос сидевшему за столом парню.

– Сижу, – нагло ответил он, глядя на меня неприязненным взглядом.

– Хватит придуриваться, ты прекрасно понял, о чем я хочу узнать, – согнав сидящего прямо на соседнем столе Румянцева, я занял его место, и в упор начал разглядывать Турка, отмечая про себя, что выглядит Московский вор плохо: он сильно осунулся, появились круги под глазами, а волосы, раньше тщательно расчесанные, торчали во все стороны как пакля. – Или ты опять хочешь меня поджечь?

– Никого я не хочу поджигать, – он опустил взгляд. – Вы меня бросили в Москве и уехали. Меня Ванька-Каин чуть не пришиб, когда я рискнул у него появиться в игорном доме. И куда мне было идти? Только сюда, чтобы в ноги упасть да просить куда-нибудь пристроить, чтобы с голодухи не помер. – Если честно, я слегка окосел от таких заявлений. Это что же получается, если следовать его логике, то я еще ему что-то должен остался?

– А ты не думал, что я тебя могу пристроить в колодки, да на каторгу в Сибирь? – наконец, сформулировал я ответ,

убрав из него нецензурщину.

– Думал, поэтому-то так долго зайти не пытался, боязно было.

– И как долго ты здесь уже находишься? – я попытался представить, сколько уже времени Турок цветы перебирает, но мне больше, чем два-три часа не приходило на ум.

– Да уже три дня, почитай, – Турок поднял голову и, наконец, снова посмотрел на меня. На этот раз в его взгляде не было неприязни, только какая-то обреченность, пополам с вызовом. – Но в покои ваш только сегодня собрался духом прийти. Говорю же, боязно мне было.

– Ну, ни... чего себе, – я присвистнул. – И ты хочешь сказать, что все три дня просто ходишь, где тебе понравится, и никто тебя не пытался остановить?

– А кто на холопов смотрит? – Турок усмехнулся. – Интриги – это удел благородных, а простые смертные, что невидимки какие. В людской только спросили новенький ли я, да откуда. Я и ответил, что с Великим князем из Москвы приехал. Не побегут же к вашему высочеству выпрашивать, что да как, потревожить побоятся, вот и рассудили, что должно быть и не вру я, кому же понравится в холопах дворовых бегать?

– Душегубу, к примеру, или поджигателю какому, – я слегка наклонил голову, разглядывая его, словно в первый раз вижу. – Ты слишком хорошо говоришь, слишком правильно для простого холопа. Даже я так не всегда могу. Но со мной

все просто, я только учусь по-русски говорить и думать, а вот ты словно в хоромах рос, да с учителями грамоту учил. Ты ведь грамоте разумеешь, а, Турок? – моя свита сидела где-то позади меня очень тихо, я практически позабыл, что нахожусь в комнате с Турком не наедине, но вопросы, которые я задавал, точнее ответы на них были очень важны для меня, и плевать, что кто-то из парней может оказаться дятлом, приставленным ко мне Елизаветой. – Так разумеешь ты грамоте и счету?

– Да, – неохотно ответил Турок. – Мать научила, когда еще жива была.

– Как тебя зовут? – от внезапности вопроса он опешил, а затем тихо ответил.

– Андрей Ломов, – Турок замолчал, я же прикидывал, складывая числа в уме, но не получал правильного ответа, просто потому, что не знал историю достаточно хорошо, даже в пределах пятнадцати-шестнадцати лет, прошедших в этом мире.

– Кто твой отец? – бросив бесполезные подсчеты, прямо спросил я.

– Какое это имеет значе...

– Кто твой отец? – жестко прервав его, повторил я вопрос.

– Иван Долгорукий, – он буквально выплюнул это имя. Я же слегка откинулся назад. Понятно. Бывший фаворит и любимец Петра II обрюхатил какую-то девушку Ломову, скорее всего, очень бедную дворянку. Ребенок, рожденный вне

брака – позор на всю семью, но она даже пыталась сына чему-то научить, пока не умерла. Отцу же, похоже, изначально было плевать на него, а потом он попал в немилость, сразу же, после смерти своего патрона, а потом и сгинул где-то на каторге. Ну, а Андрейка попал в руки еще по малолетству Ваньке-Каину, и тот научил его тому, что сам умел. История, в общем-то, рядовая, вон Бецкой тоже чей-то бастард, но тому повезло больше, у него мать достаточно знатная и обеспеченная женщина, чтобы иметь силы и возможности рта позакрывать и не дать злым языкам трепать имя сына, здесь же такой возможности не было. И что мне с ним делать? Может, правда, на каторгу отправить? По стопам родителя, как говорится.

– Ну, и что мне с тобой делать? – я продублировал вопрос вслух.

– Он же помог нам, ваше высочество, тогда, в Москве, – неуверенно проговорил откуда-то из-за спины Румянцев.

– И что же, из-за того, что он шкуру свою тогда спасал, все ему простить? А, может, его высочество еще и должностью его одарить надобно? – впервые слышу, если честно, такие категоричные нотки в голосе Сафонова. Никогда бы не подумал, что он может быть настолько принципиальным, скорее уж Вяземский, который и вовсе промолчал, не влезая не в свое дело. – Архив Сыскной экспедиции он все же сжег, да и ушел бы, ежели его высочество не поймал бы.

Мнения сторон разошлись, и я пребывал в некоторых ко-

лебаниях относительно принятия решения. Одно мне было понятно, Ушакову я Турка не отдам. В крупных заговорах воспитанник Ваньки-Каина точно не замешан, а со всем остальным я надеюсь, что справлюсь.

– К Румбергу его отведите, передайте, что Андрей Ломов моим личным слугой отныне будет. Только предупредите, что шибко ловок шельмец, чтобы глаз с него не спускали, – и я соскочил со стола, направившись к двери. – А мне пока надо Наумова убить, так что, с Ломовым заниматься более некогда.

– Э-э-э, – у двери я обернулся и увидел, что парни недоуменно переглядываются между собой, включая Турка. – Может, подсобить нужно, ваше высочество? – заметив мой взгляд тут же отреагировал Румянцев, а Сафонов закивал, соглашаясь с приятелем.

– Когда понадобится труп прятать, я кликну, – пообещав, что их энтузиазм не останется без награды, я открыл дверь.

– Почему вы решили меня при себе оставить, ваше высочество? – я снова обернулся, задумчиво разглядывая Турка. – Потому что я какой-никакой, а Долгорукий?

– Я не знаю, насколько ты Долгорукий, может быть, ты мне солгал. У Ивана сейчас не спросишь уже, а лавры покойного императора Петра мне не к чему. Я тебя при себе оставил, потому что ты вор, Андрей Ломов, и весьма удачливый вор, надо сказать, – и я, наконец, вышел из комнаты.

Возле дверей моей спальни стояли аж два гвардейца. Воз-

ле них топтался Криббе, но они ни в какую его не пускали и не говорили, на месте я вообще, или куда уйти изволил. У одного из гвардейцев на щеке наливался великолепный бланш. Похоже, воспитательная беседа командира с подчиненными прошла весьма удачно.

– Ну что же, Наумову сегодня повезло, обойдемся без сокрытия трупов, – пробормотал я себе под нос и подошел к Криббе. – Тебя не пускают, Гюнтер, по моему приказу.

Он даже не вздрогнул, заметил мое приближение. Откинув резким движением головы с лица длинные темные пряди, которые почему-то никак не хотел завязывать в хвост, Криббе неспешно повернулся ко мне лицом.

– Давно пора, ваше высочество, отдать подобное приказание.

– Пошли, поищем для меня кабинет, где я и буду принимать отныне посетителей, – и я пошел к одной из незанятых комнат. Криббе, заложив руки за спину, двинулся за мной.

Комната вполне подходила под поставленные задачи. она была просто и функционально обставлена: большой стол, несколько кресел, пара книжных полок и небольшой диванчик – этого вполне хватит, чтобы обустроить здесь кабинет, а потом у меня будет свой дворец, в котором я смогу делать, что хочу.

– Я велю принести сюда письменные принадлежности и канделябры со свечами, – кивнул Криббе, подходя к окну и трогая тяжелую зеленую портьеру.

– Тебе удалось что-то узнать? – я подошел к нему совсем близко и встал рядом.

– Да, ваше высочество. Как оказалось, вашей аудиенции хочет получить некто, называющий себя Георг Гольштейн-Готторпский. Он прибыл сюда в Петербург инкогнито, и именно он привез ошеломляющие новости.

– Рассказав их сразу же по прибытии прусскому послу, – я покачал головой. – Вот что, Гюнтер. Будет лучше, если ты поедешь в Москву к моей тетушке в качестве говорящего письма. Так будет быстрее, чем ждать ответа, в котором, скорее всего, будут требовать объяснений и уточнений. Я же хочу выехать в ближайшее время, чтобы на этот раз проехать по Европе летом, а не зимой. Потому что возвращаться все равно придется поздней осенью или зимой. Ты же все объяснишь и добьешься разрешения на поездку, и разрешение взять с собой гвардейцев. Я же пока приму родственника со всем почтением и выясню все подробности. Да и дела здесь в Петербурге надо закончить, чтобы вернуться уже тогда, когда большая часть порученного будет выполнено, – Криббе кивнул, соглашаясь с моим планом, я же старательно гнал от себя мысль, что могу и вовсе не вернуться.

Глава 4

– Что это? – я смотрел на раскатанный на столе чертеж и пытался понять, что здесь изображено. Точнее, я прекрасно понимал, что здесь изображено, все-таки чтение различных чертежей – это была моя работа. Вот только я никак не мог понять, как то, что я сейчас видел соотносилось с тем, что здесь по идее должно было быть начерчено.

– Кавалерийский корпус, как вы, ваше высочество, изволили выразиться, – Растрелли поджал губы, а я попытался абстрагироваться от происходящего, считая мысленно до десяти. Мне нужно срочно выписать из Индии какого-нибудь гуру йоги, который своими: «Оу-м-м», будет возвращать мне душевное равновесие, которое почти все пытаются так или иначе нарушить.

– Сеньор Растрелли, я просил вас построить кавалерийский корпус, – медленно произнес я, стараясь не сорваться на крик. – То есть: казармы, небольшой административный корпус, конюшни, и несколько вспомогательных зданий, таких как арсенал, склад и кузня, чтобы лошадей подковывать. Я не просил вас строить еще один дворец! Что из того, что я перечислил, здесь изображено? Может быть, конюшня?

– Но я строю дворцы, ваше высочество! – итальянец, много лет проживший в России, почему-то решил, что может

повышать голос в моем присутствии. – Я строю великолепные здания, которые в веках останутся, чтобы вызывать восхищение! Я не строю казармы и... конюшни! Я...

– Вы строите то, что вам будет приказано построить! – ну вот, все же сорвался. Но я вообще в последние дни на взводе, еще и этот архитектор решил мне нерв поднять. – И если я приказываю вам строить казарму, то вы будете строить казарму! В противном случае, вы отправитесь в Сибирь, строить бараки для каторжников, я доступно объясняю перспективы, сеньор Растрелли? – произнося последние фразы я уже шипел.

– Да, ваше высочество, все предельно ясно, – он очень быстро снизил децибелы и скатал чертеж, убрав со стола. Ничего, кому-нибудь впарит. Петербург активно строится, может, кто-то захочет нечто подобное.

– Дворцы сейчас строят все, кому не лень, сеньор Растрелли, – я сверлил его взглядом, сложив руки на груди. – Кому лень, те тоже дворцы хотят. А вы попробуйте построить казарму, чтобы она была, прежде всего, функциональной, и радовала бы глаз, не без этого. А коли вы не знаете, как выглядят казармы, то начните изучать вон с казарм Ингерманландского полка. Подполковник Наумов вас проводит, все покажет и объяснит. Только, сеньор Растрелли, у меня есть несколько требований, включающих в себя водоснабжение, и канализационные сливы...

– Что? – он невольно нахмурился и потер лоб. – Я не по-

нимаю, ваше высочество.

– Неважно, – я отмахнулся. – Просто учитывайте в будущих чертежах трубы, очень много труб. Через неделю я вас жду с новыми чертежами, – и я повернулся к Гагарину, показав таким образом Растрелли, что аудиенция закончена. Архитектор очень быстро и сноровисто убрался, я же внимательно смотрел на камергера, пытаюсь понять, это он намеренно ввел Растрелли в заблуждение, или тоже не понял, что я хотел в итоге получить от этого строительства.

– Я говорил ему, и Федотов может подтвердить каждое мое слово, что приказано на выбранном месте возводить именно что корпус для размещения полка, – развел руками Гагарин. – Может быть, сеньор Растрелли рассчитывал произвести на вас впечатление, чтобы вы начертанный дворец утвердили вместо корпуса кавалеристского, ваше высочество?

– Я не знаю, о чем думал сеньор Растрелли, и мне это, если честно, не интересно, – я продолжал в упор смотреть на Гагарина. – Вот только, может так случиться, что очень скоро я вынужден буду ненадолго отлучиться. И тогда вся ответственность за строительство ляжет на вас, Сергей Васильевич и на Бецкого. И не дай Бог, вместо заявленной казармы я по возвращению обнаружу на выбранном месте очередной дворец. – В глазах Гагарина промелькнул вызов, вроде бы он спрашивал: «Ну и что ты тогда сделаешь?». И я решил ответить на этот невысказанный вопрос. – Думаю, что Андрею

Ивановичу Ушакову будет интересно поработать с делом о возможной растрате казенных средств, выделенных на основании достойной резиденции нынешнего Великого князя, да и будущих Великих князей, вероятно.

Я не хотел никому угрожать, но только времени на уговоры у меня не было, поэтому приходилось действовать максимально жестко, тщательно следя за тем, чтобы палку не перегнуть. Гагарин первым отвел взгляд, что я посчитал за маленькую, но весьма важную победу. Я уже хотел отпустить его, пускай идет делами займется, тем более, что запрошенных инженеров я так и не получил, как дверь приоткрылась и зычный голос произнес.

– Иван Данилович Шумахер, Федор Иванович Миллер и Михаил Васильевич Ломоносов, просят принять их, ваше императорское высочество, – надо же, вот что пиз... тумачки животворящие и нанесенные вовремя делают. Похоже, Игнат Наумов действительно принялся наводить порядок во вверенном ему полку. А вот что здесь делают академики? И почему они притащились именно ко мне?

– Можете идти, Сергей Васильевич, и попросите господ академиков зайти, сделайте милость, – по виду Гагарина было видно, что вот сейчас он бы с большим удовольствием остался. Вот только именно сейчас мне свидетели были не нужны, потому что я просто задницей чую, что они пришли с очень серьезной темой для разговора. – Да, и пусть позовут Штелина, может быть, он, как приближенная к этому кругу

персона скажет мне, что происходит.

Гагарин колебался еще секунд десять, пока медленно шел к двери, видимо, лихорадочно придумывая причину, по которой он мог остаться, но, так и не придумав ничего, вышел из комнаты, которую Криббе перед самым отъездом сделал максимально похожей на кабинет.

Как только он вышел, двери снова распахнулись и вошли ученые мужи во главе с Шумахером. Я имел несчастье познакомиться со скандальным немцем, еще до поездки в Москву, но, к счастью, дальше знакомства дело не зашло. Теперь же он почему-то решил, что в отсутствие других представителей власти, которые почитай всем составом ломанулись за Елизаветой в Москву, можно прийти к Великому князю с какой-то проблемой. Это, конечно, было лестно, вот только, не совсем понятно, потому что в Петербург вернулся вместе со мной человек, действительно могущий принять решение, и у вице-канцлера было право некоторые вопросы решать полностью автономно. Но, вместо Бестужева, Шумахер пришел ко мне, и это очень интересный момент на самом деле. В глаза бросилась немного помятая морда лица шедшего за Шумахером господина, которого я не знал, и который, методом исключения, мог являться только Миллером. За Миллером шел Ломоносов. Вид у Михайло Васильевича был, мягко говоря, недовольный, и он с мрачным видом рассматривал кулаки, которые, скорее всего, и являлись причиной некоторой помятости лица господина Миллера. Очень

интересно и опять-таки не понятно, при чем здесь я. Войдя, все трое поклонились, приветствуя меня. Ну что же, скоро выясним, зачем вы сюда пришли.

В кабинет незаметно проскользнул Штелин, глядящий заинтересованно, по всей видимости пребывающий в неведении относительно причин появления здесь непрошенных гостей.

– Здравствуйте, господа, – я не приглашал их садиться, и сам продолжал стоять, разглядывая каждого их них. – Что привело вас ко мне?

– Ваше высочество, я хочу подать жалобу от лица Академии наук, и от лица господина Миллера на господина Ломоносова. Его выходки давно уже стоят у нас как кость в горле, но сегодняшнее происшествие перечеркнуло все предыдущие.

– Я так понимаю, причиной стал личный конфликт господина Ломоносова и господина Миллера, – Шумахер ответил согласием, я же только пожал плечами. – Ну так подавайте жалобу на высочайшее лицо, коим является ее величество Елизавета Петровна, в надлежащем порядке, я-то здесь при чем?

– Нам с господином Миллером хотелось бы, чтобы вы, ваше высочество, были в курсе причин конфликта, – быстро добавил Шумахер. – И смогли дать кое-какие пояснения ее величеству, когда жалоба дойдет до ее пресветлых очей. – Ого, ну, теперь хотя бы понятно, почему Шумахер все еще

держится на плаву и имеет достаточно власти, чтобы кошмарить Академию наук. Лизоблюд он реально знатный.

– Так в чем причина конфликта? – довольно равнодушно спросил я, всем своим видом давая понять, что мне это не интересно.

– Он, – Миллер весьма пафосно указал на Ломоносова указательным пальцем. – Порвал мою статью, которую я готовил уже в течение года, и которая должна предшествовать выходу моей книги...

– Это не книга! – Ломоносов просто взревел. Похоже, господа ученые забыли, что я нахожусь с ними в одной комнате. – Это ересь, как она есть! Поклеп и унижение самой истории Российской! Как он вообще посмел прикоснуться к святому, к нашей истории? Как, я вас спрашиваю?

– Так, стоп, – я поднял руку, заставляя Ломоносова замолчать. – Я не понял. Господин Миллер пишет что-то по истории России?

– Он пишет пасквиль на историю России, – мрачно ответил Ломоносов, не глядя на меня, продолжая сверлить взглядом своих оппонентов. – Вы, конечно, извините меня, ваше высочество, но я никак не сумел сдержаться.

– А мне может кто-нибудь объяснить, почему историю России пишет немец? У нас что, своих ученых не хватает, которые, кроме всего прочего, способны понять некоторые нюансы, исходя и того, что имеют с изучаемыми одни корни? – в комнате воцарилась тишина, которая прервалась неуверен-

ным восклицанием Штелина.

– Ну как же, ваше высочество, как же так можно, ведь обучение ведется на латыни и немецком языках...

– Что-о-о? – я почувствовал, как меня начинает потихоньку заполнять ярость. – Вы хотите сказать, – начал я очень тихо, прищурившись, оглядывая всех собравшихся в комнате взглядом, который не предвещал ни одному из них ничего хорошего, – что я из кожи вон лезу, чтобы изучить русский язык, проникнуться русским духом, стать ближе к российскому народу, чтобы как будущий государь, понять все чаянья и надежды его, в то время, как все остальные ученики изучают Российскую историю на латинском языке, написанную немцем? – в конце я уже шипел, и, похоже, излучал такую волну негодования, что Штелин и Шумахер, стоящие рядом попятнулись. – А почему тогда господин Ломоносов в Мюнхенском университете не преподает немецкую историю на французском языке?

– Но, ваше высочество... – Штелин попытался как-то исправить положение, в которое совершенно случайно угодило абсолютно все Российское образование этого мира, о котором я имел весьма смутные представления, потому что не мог пока выбрать время, чтобы даже показать проект указа, созданного теми же немцами.

– Вот вы, Яков Яковлевич, сейчас вообще зря рот открыли, – резко и грубо прервал я его, только сейчас сообразив, что говорили мы как раз-таки по-немецки. Это почему-то

окончательно вывело меня из себя. Я-то думал, что уже могу отличать переходы с одного языка на другой, но, как оказалось, что нет, не могу. События последних дней настолько выбили меня из колеи, что я начал действовать, повинуюсь безусловных рефлексам. – Вот теперь я понимаю, почему вы пришли ко мне, потому что фактически я все еще немец, не так ли, господа? Так вот, вы ошиблись в своих предположениях. Я ничего не сделаю, что вам как-то помочь. Более того, я сделаю все, от меня зависящее, чтобы обучение во всех русских школах проводилось исключительно на русском языке. Чтобы родные языки народностей, проживающих на территории Российской империи, остались родными, но, чтобы они достаточно овладели русским, чтобы изучать науки. Русским, а не латынью и не немецким! И уж конечно я добьюсь, чтобы история, написанная не русским ученым, или же не одобренная тремя русскими учеными, никогда не увидела свет. А то, что русские ученые – это не сказка, вон, господин Ломоносов прекрасное тому подтверждение. – Я отвернулся от них, подойдя к окну, чтобы немного успокоиться.

– Ваше высочество... – проблеял явно не ожидавший подобного напора Шумахер.

– Лучше замолчите, – предупредил я его, резко оборачиваясь. – Надеюсь, вы хорошо изучили историю государства Российского, и помните, как началось правление Романовых?

– После Смуты? – Штелин снова подал голос, на этот раз довольно неуверенно.

– Верно, – я прикрыл глаза, и сильно фальшивя негромко пропел:

И лях в глубокий снег вступал, не ведая беды.

А ветер волосы трепал и заметал следы.

Сокрыв проходы тайных троп, что ведомы ему,

В глухих лесах седой холоп их молча вел во тьму.

Тишину, которая возникла после моего очень сомнительного исполнения, казалось, можно потрогать руками.

– Это ваши стихи, ваше высочество? – негромко кашлянув, спросил, наконец, Ломоносов.

– Нет, – я покачал головой. – Их написал человек... которого я случайно встретил, когда ехал в Петербург, – ну, пусть будет так. – Мне известно лишь имя – Олег Абрамов, и я даже не знаю, жив он еще или нет. Я прошу вас, Михаил Васильевич, лично проследить за тем, чтобы имя этого холопа не было забыто или его подвиг как-то искажен. Ведь, если разобраться, ему я обязан тем, что вообще появился на свет.

– Ваше высочество, о чем вы сейчас говорите? – я прикрыл глаза, и, когда открыл, то все то спокойствие, которое мне с большим трудом удалось обрести, испарилось, как будто его и не было.

– Господин Шумахер, вы зря сюда пришли, и зря меня разозлили, – прошипел я, глядя на проштрафившегося секретаря и казначея, лишь недавно оправданного. Его, на-

сколько до меня дошли слухи, обвиняли в казнокрадстве, но все же оправдали. – Ее императорское величество Елизавета Петровна в доброте своей сделала мне подарок – обширные владения в конце дороги к Петергофу. И повелела обустроить эти владения, используя всех, кого я посчитаю нужным. Например, сеньор Растрелли сейчас в поте лица трудится, создавая чертежи будущих строений. А вот вам я поручаю найти инженеров и организовать подачу воды в каждое здание из единой водонапорной башни, кою вы и постройте. А также отвод воды и нечистот, по примеру Большой Римской Клоаки, али еще как придумают инженеры, но прежде покажите планы мне. без моего одобрения, чтобы ни один проект запущен не был, это понятно? – Шумахер неуверенно кивнул.

– Но куда сливать нечистоты? – краем глаза я заметил, что Миллер уже топчется возле двери, не желая привлекать к себе внимания.

– Придумайте что-нибудь, хоть селитряницы организуйте и туда все дерьмо сливайте, лишь бы запахов и загрязнений не было! А теперь пошли все вон, – я милостиво отпустил этих слишком хитромудрых господ, пожелавших сыграть на том, что настоящий Петр был, похоже, немцем до мозга костей, и с ним этот спектакль, скорее всего, имел бы успех. Сюрприз, однако. – Господин Ломоносов, останьтесь.

Миллера, Шумахера и Штелина, как ветром сдуло. Когда дверь за ними закрылась, я повернулся к Ломоносову, за-

думчиво смотрящему на меня.

– С Шумахером нужно быть осторожней, ваше высочество. – Сказал он. – Ему благоволит князь Юсупов. Вместе с Игнатьевым они уже не раз вытаскивали Шумахера из неприятностей.

– Вас это не должно касаться, – я понимаю, он хочет, как лучше, но у меня сейчас слишком мало времени, чтобы начать все задумки. – С Борисом Григорьевичем Юсуповым я встречаюсь завтра, – я задумчиво смотрел на стол. – Собственно, поэтому я и попросил вас остаться.

– Не понимаю, как я связан с вашим намерением встретиться с князем? – Ломоносов нахмурился, он действительно не понимал.

– Я хочу перенести производство из мастерской в специально созданную стекольную мануфактуру и хочу просить Бориса Григорьевича мне в этом помочь. Так что проблемы Шумахера – это последнее, что будет его волновать, если он займется этим делом.

– Да, вы упоминали об этом обстоятельстве, ваше высочество, в прошлый раз, когда посещали мастерскую, но не говорили, что перенос начнется очень скоро.

– Я об этом не знал. Так сложились обстоятельства, что мне нужно уехать, я надеюсь, что не слишком надолго, но, как получится. Это будет зависеть от многих обстоятельств, и я не хочу, чтобы мои начинания прерывались на неопределенное время. Создать стекольную мануфактуру с нуля – это

дело не одного дня. К тому же необходимо отладить начало производства. И в этом-то вы и должны помочь.

– Я никогда не сомневался в том, что именно мне предстоит эта честь, – усмехнулся Ломоносов. Почтения в нем не прибавилось ни на грош, и я даже не знал. Радоваться мне или огорчаться такому положению дел. Сегодняшнее столкновение дало толчок для меня в сторону того, что иностранцев надо убирать с преподавательских должностей и как можно быстрее. Никто не запрещает пользоваться плодами их изысканий, но самим им в России делать нечего. Если только совсем улетевшим, как тот же д,Аламбер, которому вообще на все, кроме собственных изысканий наплевать. Я смотрел так пристально, что Ломоносов начал заметно нервничать, а ухмылка пропала с его лица. – Что-то не так, ваше высочество?

– Я хочу, чтобы вы кое-что посмотрели, господин Ломоносов, и высказали мне свое мнение, когда вернусь из своей поездки. – Протянув ему рукопись, которую только что вытащил с одной из книжных полок, на мгновение задумался, а потом добавил. – Также, я хочу увидеть доклад по поводу ваших измышлений о металлах и металлургии, которой вы вплотную занялись, после окончания работ со стеклом.

– Да, у меня есть идеи на сей счет, – Ломоносов поднял глаза к потолку. – Только нужно еще несколько опытов провести. Особенно с нагреванием металлов при их реакции с сильными кислотами. Никак не могу понять, откуда там воз-

дух берется, и чем больше кислоту водой разбавляешь, тем воздуха больше выделяется... – Ясно, он ушел в свой астрал, или как там у ученых называется это состояние, когда весь мир отходит на задний план... Что он сказал? Я помотал головой. Если я еще не совсем растерял свои знания, а то, о чем он сейчас говорил все-таки касалось моей прежней работы так или иначе, то выделяется сейчас в его лаборатории совсем не воздух, а водород в чистом виде.

– Господин Ломоносов, я здесь, – он посмотрел на меня расфокусированным взглядом, и кивнул. – Отлично, вы меня видите и воспринимаете. Идите, и готовьте доклады. А еще, большая просьба к вам, не могли бы вы тот воздух, что при ваших опытах выделяется, куда-нибудь собрать?

– Собрать? – он нахмурился, не понимая, что я имею в виду.

– Ну, да. В непроницаемый кожаный мешок, например?

– Эм, можно попробовать. А вам зачем, ваше высочество? – запоздало поинтересовался он.

– Просто интересно, можно ли его куда-нибудь собрать, – я пожал плечами. – Идите, господин Ломоносов, идите. И постарайтесь больше не выражать свои протесты настолько импульсивно. Меня ведь рядом может не оказаться. А Игнатьев с Юсуповым благоволят вашим оппонентам, вы сами говорили об этом. – Ломоносов поклонился и вышел из кабинета, сжимая в руке рукопись, на которую в этот момент поглядывал с явным любопытством.

В приоткрытую дверь заглянул гвардеец, словно спрашивая, не надобно ли мне чего. Вообще-то, желательно доверенного слугу завести, но я пока не знаю, кто это будет.

– Извольте чего, ваше высочество? – спросил гвардеец вслух, чтобы убедиться в том, что мне все-таки ничего не нужно.

– Ломова приведи, – наконец, я принял решение. Гвардеец кивнул и уже через минуту в кабинет впихнули Турка.

– Скажи, выкрасть личные дневники сложно? – Турок уставился на меня, затем медленно пожал плечами.

– Смотря у кого.

– У академика Академии наук Миллера и библиотекаря Академии наук Шумахера.

– У этих? – Турок на мгновение задумался, затем покачал головой. – Не, не должно быть сложно.

– Тогда, приступай. Мне они нужны в ближайшее время. Справишься?

– Справлюсь, – он усмехнулся. – Куда же я денусь.

– Действительно, куда ты денешься, – я задумчиво смотрел, как Турок уходит. Надеюсь, интуиция меня не подвела и этим господам есть за что яйца прищемить. Почему-то в этом времени очень небрежно относились к сохранности тайн, доверяя сокровенное дневникам. Ну, раз так, то грех этим не воспользоваться. Заодно и проверить, действительно ли дела обстоят подобным образом или это все-таки выдумки.

Глава 5

Георг Людвиг Гольштейн-Готторпский, мой двоюродный дядя, наконец-то, выбрал время, чтобы посетить меня и ответить на кое-какие вопросы. Это произошло на трети день после того, как уехал в Москву Криббе. Хотя Гюнтер и пригласил его «навестить» меня еще перед своим отъездом, Георг постоянно находил какие-то смехотворные отговорки, присылая мне записки с нарочными. Я уже и не надеялся, что он явится, и начал планировать день, когда сам нанесу визит в прусское посольство, где ему дали приют на это время.

Сегодня, после урока латыни, закончившегося только что, я ждал Турка, обещавшего мне принести дневники академиков, и составлял письмо Елизавете, периодически косясь на пыхтевшего Штелина, который время от времени заглядывал мне через плечо, пытаюсь прочитать написанное. Вот только мой уважаемый наставник, действительно уважаемый, которого я весьма ценил, и который искренне старался сделать из меня человека, плохо знал русский, а я решил написать письмо именно на родном языке, так что, очень сомневаюсь, что Штелин понял абсолютно все из увиденного, а от этого мрачнел все больше.

Сначала писать было сложновато, но потом я плюнул на точное соблюдение правил письменной речи, принятую в

этом времени, и строчил практически на современном мне русском языке, уже намеренно исключая из написанного все эти «Ъ» – яти и уйму витиеватых выражений, делая текст письма предельно простым и доступным. В письме я откровенно давил на гниль, и моя безграмотная с точки зрения той же Елизаветы писанина была лучшей иллюстрацией существующей проблемы современного обучения. Даже до Елизаветы должно дойти, что невозможно воспитать Российского императора и его окружение пользуясь услугами иностранных учителей, если, конечно, не хочешь получить в итоге направленность на конкретное государство, стремясь походить на которое, будет забываться все русское. Напоследок я сделал ход конем, приписав, что, если так пойдет дальше, то и церковь православная попадет под удар, так как за всеми иноземцами не уследишь, и они, чего доброго, начнут неокрепшие юные умы склонять к лютеранству, и это еще не самое худшее, можно же и католиками обрасти, которые у власти будут стоять. Письмо получилось очень эмоциональное, а кляксы добавляли надрыва. Слезы и картинные закатывания глаз у тетки гарантированы, как и то, что она не сможет не отреагировать на возмущения такого хорошего мальчика, который, вот умница, старается изо всех сил стать своим в России.

– Яков Яковлевич, вы все равно на ногах скачете, будьте ласковы, кликните Федотова, я хочу ему несколько поручений дать.

– Хорошо, ваше высочество, – он сделал шаг к двери, но она сама распахнулась и в проеме показался один из гвардейцев, которые вот уже трое суток исправно несли службу по обеспечению охраны дворца. Я даже их выгонять пока не редунал. Все равно скоро уезжать, незачем накануне отъезда кипишь поднимать.

– Принц Георг Людвиг Гольштейн-Готторпский прибыл на аудиенцию к вашему высочеству, – громко произнес гвардеец и посмотрел на меня. в его взгляде читался вопрос, написанный большими буквами: «Впускать, или гнать в шею?».

– Ну что же, Яков Яковлевич, должно быть, наш сегодняшний урок стоит прервать, – я вздохнул и повернулся к Штелину. Никогда бы не подумал, на самом деле, что у меня внезапно образуется столько дел. Я-то по наивности своей почему-то считал, что ограничусь строительством в Ораниенбауме, да начну постепенную реорганизацию Тайной канцелярии. Вот только мы предполагаем, а жизнь в очередной раз выплывает из-за угла и на тебе с ноги, да еще и с разворотом. И вот уже никому не интересно, что тебе всего четырнадцать лет, потому что ты Великий князь, а значит, обязан принимать решения. Самое интересное заключалось в том, что в отсутствие поблизости Елизаветы, мои решения воспринимались всеми абсолютно нормально и их легитимность не подвергалась сомнению. Также, как никого не волновал вопрос, а хочу ли я сам вникать во все эти проблемы.

В конечном итоге я на собственной шкуре испытал правдивость поговорки: «Кому много дано, с того и спрос больше».

– Да, ваше высочество, я понимаю, – Штелин поклонился и шагнул к двери. – А Федотов вам все еще нужен?

– Сейчас даже больше, чем минуту назад, – я послунял платок и попытался оттереть чернильное пятно с пальца. Куда там, чернила были свежие, дорогие и въедались в кожу, похоже, намертво.

– Так принца этого пускать? – м-да, работать с ними еще и работать. Дворецкого завести что ли?

– Пускать, – я бросил попытки оттереть пальцы. – В кабинет пускать, не сюда, – добавил я, поднимая взгляд на гвардейца. Он невольно нахмурился, а затем медленно кивнул. Ну вот и хорошо, надо уже приучать и себя, и всех остальных, что дела делаются в кабинете, а не где придется. Иначе так до старости и будут чуть ли не в отхожее место ко мне ломиться. Нечего посетителям делать в комнатах, которые жилыми являются. Да даже в учебной комнате им делать нечего. Это все интимное, несущее отпечаток владельца. А кабинет все равно будет в какой-то степени обезличен, особенно, если в нем будет пребывать походя множество людей. Гвардеец тем временем вышел и закрыл за собой дверь, а я снова обратился к Штелину. – Федотов пускай сразу в кабинет идет, я скоро буду.

– Хорошо, ваше высочество, – Штелин в этот момент наблюдал, как я, чертыхаясь, зажигаю свечу, а затем начинаю

плавить сургуч, чтобы запечатать письмо. – Я могу поинтересоваться у вашего высочества, что вы написали и кому?

– Письмо я написал тетушке, ай, зараза, – горячий воск капнул на палец, и я затряс рукой. Я просто феноменальный рукожоп, даже письмо не могу нормально закрыть. – В нем я высказал свои мысли о недопустимости преподавания на неродном языке и о недопущении допуска иноземцев к архивным документам, особенно древним. Во всяком случае до тех пор, пока с ними не поработают российские ученые и не напишут приличные книги, по которым можно обучать молодое поколение.

– Вы все-таки решили сделать это, ваше высочество, – Штелин покачал головой. – Я считаю, что это неверное решение.

– А я так не считаю, – прислонив перстень с печаткой, которую мне сделали в день признания наследником и Великим князем по приказу Елизаветы, к сургучу, я, наконец-то, закрыл письмо и поднял взгляд на Штелина. – В этом вопросе нас рассудит только время, Яков Яковлевич, – мы с минутой смотрели друг на друга, а затем я медленно произнес. – Мне нужен Федотов, дела, которые я хочу ему поручить, сами собой не сделаются. Да и принц уже поди заждался, в одиночестве в кабинете сидючи.

– Да, ваше высочество, – в очередной раз поклонившись, Штелин вышел из комнаты. Я же несколько минут просто сидел за столом, глядя в одну точку, настраиваясь на пред-

стоящую беседу.

Кто бы знал, как мне страшно. Страшно, что я обязательно напортачу, потому что меня никто никогда не учил понимать политические тонкости. Меня не учили управлению, и я никогда сам не интересовался геополитикой. А ведь сейчас начинается именно она – геополитика. Да что уж там, я вчера эту Гольштинию полчаса на карте искал, а потом читал про нее все, что сумел найти в обширной библиотеке, пробравшись в нее ночью, тайком. Единственное, что удалось узнать, что там рядышком был еще какой-то Шлезвиг, когда-то принадлежащий герцогам Гольштейн-Готторпским, но потом эта область частично ушла под крыло Дании. Какой вообще сейчас шел расклад по всем этим микроскопическим герцогствам, коих было просто немеряно, я не понимаю, и рядом нет никого, кто этот расклад бы мне объяснил. Ладно, хватит рефлексировать, надо уже с двоюродным дядюшкой поговорить.

Принц Георг оказался молодым человеком лет двадцати пяти на вид. Он был одет в военный мундир прусской армии и имел звание полковника. Он был невысокого роста, и весь какой-то невнятный. Черты его лица не отличались твердостью, да и взгляд был довольно нерешительный. Что-то мне сложно представить себе его на поле боя, а что бы я не думал о Фридрихе, он отменный полководец, и вряд ли стал держать подле себя, да еще в командном составе своей армии, такое вот безынициативное нечто. С другой сто-

роны, может быть я слишком предвзят и просто переношу на дядюшку мою общую неприязнь, которую я испытываю к немцам, за небольшим исключением тех, которые успели мне доказать, что достойны совершенно иного к ним отношения. Он же приехал, оставив службу, чтобы предупредить о предательстве другого моего дядюшки, который для него тоже не был чужим человеком. Пока я разглядывал Георга, тот в свою очередь разглядывал меня. Рядом с дверью мялся Федотов, который явно не понимал, что он здесь делает, и так старался не привлекать внимание, что это становилось немного смешно. Я рукой указал ему на диванчик у стены, куда мой самоназначенный денщик и сел, буквально забившись в угол.

– Ваше высочество, – словно опомнившись, Георг выполнил придворный поклон, что не очень смотрелось из-за военного мундира.

– Ваше высочество, – повторил я за ним, пытаюсь сообразить, кто выше по положению: Великий князь или принц.

– О, нет-нет, не высочество, нет, – Георг покачал головой и замахал руками. – У меня нет права на это обращение.

– Вот как, ну хорошо, – я прошел мимо него, подошел к столу, бросил на него письмо и указал рукой на кресло. – Присядем, полагаю, что разговор предстоит долгий.

Георг, прежде, чем сесть выразительно посмотрел в сторону Федотова.

– Я полагал, ваше высочество, что мы будем разговаривать

наедине.

– Не обращайтесь внимания, он не знает немецкого языка, – я махнул рукой и сел за стол. Георг тут же уселся напротив и улыбнулся.

– Вы очень похожи на своего отца, ваше высочество, – понятно, начнем со светской части. Хорошо хоть погоду пропустили, чисто по-родственному, полагаю.

– Полагаю, что это комплимент, – наклонив голову набок, я продолжал его рассматривать. Если он с отцом герцога были похожи, все-таки кузены как-никак, то его высказывание все-таки можно счесть за комплимент, потому что он обладал весьма приятной внешностью и даже, несмотря на то, что являлся блондином, не был слишком блеклым. – Так почему вы сюда приехали, чтобы лично сообщить новости?

– Я посчитал это своим долгом, ваше высочество. Герцоги Гольштейн-Готторпские всегда славились своей верностью, и тем, что чтили традиции, а традиции гласят, что нельзя ни в коем случае смещать действующего главу семьи, особенно так, как это сделал Адольф. Это неправильно. Я прибыл в герцогство в отпуск, который решил провести в Киле, и там узнал новости. Адольф даже не знал, что я приехал, поэтому проблем с выездом у меня не возникло, потому что он вполне мог попытаться меня задержать.

– И с чем связано его необдуманное узурпаторство? – я смотрел на письмо. Когда же Криббе вернется. Я же здесь просто с ума уже схожу, пребывая в неизвестности.

– Я не знаю, ваше высочество. Но я мельком видел направляющегося во дворец Отто фон Брюммера, так что, возможно, все дело именно в нем.

– Да, это возможно, – я задумался. Вот ведь пакость какая. Он что так и будет мне мелко гадить всю дорогу? Как будто мне больше делать нечего, лишь гадать, что же еще за проблемы этот ублюдок мне в следующий раз подкинет. – Скажите, Георг, вы ведь не возражаете, что я вас Георг называю? – он покачал головой и я продолжил. – А сколько сейчас в настоящее время войск у герцогства?

– Ваше высочество, вы же понимаете, что регулярной армии у герцогства нет, да и не было никогда. Тот полк, что создал ваш отец, выполняет скорее церемониальные функции, да еще охраны...

– Сколько? Вы можете назвать конкретную цифру, Георг? – он бросил взгляд почему-то на Федотова и понизив голос ответил.

– Человек пятьсот – семьсот, но, Адольф по слухам хочет привлечь наемников.

– А что, в наше время где-то еще можно нанять солдат? – я удивленно посмотрел на него.

– Швейцария, ваше высочество, – пожал плечами Георг. – Разумеется, масштаб в этой торговле людьми уже не тот, что был еще пятьдесят лет назад, но полк-другой пехотинцев вполне можно пробрести. Были бы деньги.

– А у него есть деньги? – я, может быть, и ошибаюсь, но

юный герцог в то время, когда я только-только попал в его тело, не выглядел как мальчик из богатой семьи. Хотя, я, возможно, и ошибаюсь. Может быть, любивший все военное, Карл Петер был просто до такой степени влюблен в свой военный мундир, что и помыслить не мог о том, чтобы надеть что-то другое.

– Ну-у-у, как вам сказать, ваше высочество, – протянул Георг. Я же еще раз внимательно посмотрел на него. Похоже, что его появление здесь не столь уж и бескорыстно. Он вынужден служить прусскому королю, вместо того, чтобы заниматься... чем там могут заниматься принцы, когда у их семей достаточно средств, чтобы их детки могли позволить себе просто жить в роскоши, не думая о хлебе насущном. Как, например, многочисленные родственнички тех же Романовых, перед самой революцией. Кстати, надо галочку себе где-нибудь поставить о том, чтобы закон какой придумать, ограничивающий права всей той шоблы. Нехрен дармоедов плодить.

– Значит, денег у него нет. А могут появиться? – он поджал губы, и я вздохнул. Пора предлагать взятку, иначе могу без неплохого источника так сильно важной мне информации остаться. Он не будет мне помогать за просто так. – Георг, давайте пока оставим моего нечистого на руку дядюшку. Поговорим о вас. Я вот, например, считаю крайне унижительным тот факт, что вы вынуждены служить королю Фридриху. Вы, принц крови. Да-да, и не спорьте. Вы знали, что по-

сле принятия мною православия, я уже не могу претендовать на корону Швеции? Только в том случае, если я откажусь от своей новой веры. Но я не откажусь, меня почти все устраивает, кроме лишения герцогства, естественно, – он медленно покачал головой, а в глазах загорелось любопытство. – А ведь Швеция все еще нуждается в наследнике. Адольф, увы, отпадает. Только не после того, что он сотворил. Остаетесь вы.

– Я? – он правда удивился. Скорее всего, Георг даже не ожидал такого предложения и надеялся, что я ограничусь чем-нибудь вроде того, что сделаю его регентом герцогства, пока сам буду пребывать в России. У меня же, глядя на него, родился план. А почему, собственно и нет? Пока мы ехали из Москвы, Ласси поделился со мной, что скоро будет заключен мир в этой нелепой войне, которая то ли идет, то ли только называется таковой. Ни Швеция, ни Россия воевать не хотели, да и не за что пока, так что мир – это вопрос времени, причем на условиях России, как выигравшей стороны. И одним из пунктов этого мирного договора будет как раз обозначение наследника Шведской короны. Георг прекрасно подходит. Оставить его здесь в России, пока король дуба не даст, на полном пансионе. А потом с помпой доставить на коронацию. И мы получим сразу же договора о дружбе и любви, а также абсолютно лояльную Швецию. Сместить его, возможно, попытаются, вот только с оглядкой, потому что придется менять династию, а это всегда сопряжено с особы-

ми заморочками. Ведь не зря же Елизавета так рьяно напирает на то, что я прежде всего внук Петра Романова, а потом уже все остальное. Но Георг продолжал на меня смотреть с выражением полнейшего офигевания на лице, надо его дожать.

– Конечно, вы, – я так натурально удивился, что дядюшка откинулся на спинку кресла и немного расслабил ворот мундира.

– Что-то в горле пересохло. Я могу попросить попить, ваше высочество?

– Конечно-конечно, о чем речь? Федотов, – Василий вскочил и быстро подошел к столу. Значит, слушал. И я понятия не имею, знает он немецкий или нет. Даже, если знает, это будет проверка для него. Но, чтобы не нервировать Георга, я продолжил говорить с денщиком по-русски. – Принеси вина принцу.

– Слушаюсь, ваше высочество, – он вытянулся и рысью понесся к двери. Я проводил его взглядом и снова повернулся к Георгу.

– Так, на чем мы остановились? Ах, да, Адольф может где-то найти денег, чтобы нанять солдат?

– Если я правильно понял, он хочет заключить договор с Данией, – тихо проговорил Георг. Я же захотел голову руками обхватить, ой, дурак. И что ему тихо не сиделось? Подождал бы немного, королем Швеции стал бы. Но, все что не делается, делается к лучшему. Кажется, так говорится. В это

время вернулся Федотов, неся бокал с вином. Я посмотрел на него, потом на вино, интересно, он специально это сделал, или правда настолько буквально понимает приказы? Но Георг не обратил на этот факт внимания, он схватил бокал и залпом выпил налитое в него вино. Поставив бокал на стол, он выпрямился, а его взгляд стал осмысленнее.

– Вы мне поможете, Георг, вернуть герцогство и наказать дядюшку Адольфа? – спросил я, дождавшись, когда он окончательно придет в себя.

– Разумеется, ведь именно для этого я и прибыл к вам, ваше высочество, – он умудрился поклониться, сидя в кресле. Я же усмехнулся про себя. Допустим, ты вовсе не за этим прибыл, но, будем дружно делать вид, что ты мой верноподданный, а не только родственник, и естественно был возмущен до глубины души таким наглы узурпаторством законного герцогства дядюшки у несчастного сироты.

– Тогда, думаю, что вам нужно отдохнуть, я пришлю за вами, когда определюсь в своих дальнейших действиях с позволения ее величества императрицы Елизаветы, – Георг понял, что аудиенция закончилась. Кроме того, я дал ему понять, что мои действия так или иначе находят поддержку у Елизаветы, а это тоже был жирнющий плюс. – Да, Георг, думаю, что вам нужно написать письмо его величеству королю Фридриху, и попросить его предоставить вам отставку. – Он на секунду замер, задумавшись, а затем кивнул, соглашаясь с моим предложением. Ну что же, вроде бы все прошло не

так уж и плохо.

Когда Георг вышел, я откинулся в кресле и закрыл глаза. Почти минуту просидел так, прокручивая в голове нашу беседу, стараясь рассмотреть ее под разными углами. На первый взгляд грубых ошибок не наделал. Но, это только на первый взгляд, возможно, какие-нибудь подводные камни еще вылезут. Пока же я все равно не могу сделать большего. Надо ждать Криббе. Когда же он уже приедет? Резко открыв глаза, я посмотрел на Федотова.

– Отвечай, только честно, ты все понял, о чем мы с принцем говорили?

– Да как можно, ваше высочество... – встретившись с моим насмешливым взглядом, он вздохнул. – Да, я неплохо знаю немецкий, – он замялся, и став уточнять, почему начал учить этот язык, хотя причина была довольно прозрачна и лежала на поверхности: при дворе было столько немцев совсем недавно, да и сейчас не мало, начиная с меня, чего уж скромничать, что волей-неволей остальным приходилось учить язык, просто для того, чтобы быть в теме происходящего.

– Надеюсь, ты понимаешь, что обо всем услышанном нужно молчать? – Федотов молча кивнул. – Очень хорошо. Тогда распорядись, чтобы это письмо увезли в Москву тетушке, передали в руки или в ее присутствии. Ну а сам, вели запрячь лошадей, съездим в Ораниенбаум, посмотрим, как там мои распоряжения выполняются. А то, сдастся мне, что

все просто проигнорировали в который раз мои приказы, и мне надо уже что-то начинать с этим делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.